

УДК 811-139

*Озерова Е. Г.,
Попиль Н. В.****Когнитивные аспекты
апперцепции памяти*****АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются апперцептивные истоки концепта «Память» на материале прозаических текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна, где действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни. Под апперцепцией понимается вторичное чувственное восприятие (или ряд таких восприятий) какой-либо действительности, которое, во-первых, непременно объясняется и дополняется запасом других восприятий; во-вторых, возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности. Память репрезентирует сложное явление апперцепции, при котором восприятие прошлой действительности, сохранённой в памяти, трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями. Память в прозаическом тексте обнаруживает две ступени апперцепции: 1) воспринимается сознанием и дополняется совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций; 2) порождает апперцептивную номинацию на основе уже имеющегося знания.

Ключевые слова: концепт; память; апперцепция; чувственное восприятие; апперцептивная номинация.

*Ozerova E.G.,
Popil N.V****Cognitive aspects
of memory apperception*****АБСТРАКТ**

This article discusses the apperceptive origins of the concept «Memory» in the prose texts by I.A. Bunin and A.I. Kuprin where reality is not so much the image of objective phenomena, as the image of subjective experiences caused by any event of life. Apperception is understood as the secondary sensory perception (or a series of such perceptions) of any reality that is, firstly, certainly explained and supplemented by reserve of other perceptions; secondly, it is based on the previously obtained information about this fact. Memory represents a complex phenomenon of apperception, in which the perception of past reality saved in memory is transformed, adding an updated perception of various individual sensory nominations. Memory in the fiction text reveals two stages of apperception: 1) it is perceived by consciousness and complemented by the set of sensory memories- associations; 2) it generates an apperceptive nomination on the basis of existing knowledge.

Key words: concept; memory; apperception; sensorial perception; apperceptive nomination.

В качестве предмета исследования выступает апперцептивное поле концепта «Память» в прозаических текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна. Семиотическую природу памяти, в том числе языковой, разрабатывали исследователи различных школ и направлений: К. Леви-Стросс [6], описавший многообразие культур, межкультурные отношения; Р. Барт [1], поставивший вопрос о необходимости семиотической интерпретации культурно-социальных явлений; М. Фуко [11], рассматривавший феномен культуры в свете дискурсивной деятельности человека; Ж. Деррида [4], обосновавший теорию культурной памяти в преломлении эволюции лексического значения. Среди отечественных исследований неопценимо значение работ Б.М. Гаспарова о триаде язык – память – образ, Ю.М. Лотмана об особенностях культурной памяти в ракурсе семиосферы, О.Г. Ревзиной о памяти и языке как врожденных когнитивных способностях человека.

Память как концептуально обусловленная лексическая единица имеет ментальные, национально-культурные и индивидуальные особенности. Именно эти аспекты памяти особенно ярко проявляются в художественных текстах, так как, попадая в контекст, языковая репрезентация памяти на основе уже сложившейся у читателя образной картины мира получает эмоциональную, экспрессивную, оценочную окрашенность и отражается посредством вербализации этнокультурной и авторской коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности.

Ср.: *Я помню, что слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загорали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу* (И.А. Бунин. Освобождение Толстого (1937)).

В данном случае память интерпретируется как субъективное воспоминание, связанное с детством – с детской игрой «муравейные братья».

Когнитивная пропозиция обусловлена общеизвестным эпизодом из биографии Л.Н. Толстого, который в возрасте пяти лет создал

игру в «муравейных братьев» и историю о зеленой палочке, которая может сделать всех людей счастливыми *«и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями»*. В последующем эта игра для Л.Н. Толстого стала жизненной философией: жить честно – значит прежде всего жить не для себя одного, а для людей, для их блага и счастья; а идеал «муравьиных» братьев – братства людей всего мира.

Концептуализация памяти в анализируемом тексте достигается при помощи дериватов: *помнить, напоминать; муравейный, муравьи*, а также проводимых автором смысловых параллелей между словом «муравейные» и сочетаниями «муравьи в кочке», «муравейные братья», соединительным звеном которых является внутренняя форма корня. Игра «в муравейных братьев» ассоциируется у героя с жизнью самих муравьёв в муравейнике: *«садились под стулья, загорали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу»*. В этом контексте «память» репрезентируется посредством сравнений, конструируемых на основе чувственных, индивидуальных образов автора («слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке»).

Художественный текст – это всегда диалог, диалог между читателем и автором. Коммуникативно-прагматическая природа текста позволяет памяти, концептуально обусловленной контекстом, апперцептивироваться, то есть восприниматься на основе чувств, переживаний и впечатлений. Слово, по мнению А.А. Потебни, есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, это, подчёркивает автор, можно и без слов, а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошлого [9, с. 122]. Автор отмечает, что при создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперцепируется [9, с. 99]. На сегодняшний день явление апперцепции менее всего

рассмотрено в ракурсе когнитивной лингвистики. Это обусловлено тем фактом, что долгое время апперцепция являлась областью изучения психологии, нежели лингвистики.

Анализ прозаических текстов позволяет расширить представление о процессах восприятия и о способах вербализации их в языке: «в содержательно-концептуальном плане художественный текст несёт на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира конкретной авторской личностью с её особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и соотносённости с культурными константами, с поэтической картиной мира в её текстовом воплощении» [2, с. 32].

В Большой советской энциклопедии апперцепция трактуется как «одно из фундаментальных свойств психики человека, выражающееся в обусловленности восприятия предметов и явлений внешнего мира и осознания этого восприятия особенностями общего содержания психической жизни как целого, запасом знаний и конкретным состоянием личности» [3, с. 228].

Термин «апперцепция» впервые ввёл Г. Лейбниц, который обозначал этим термином процесс от осознания до сознания впечатления; следовательно, изначально понятие апперцепции трактовалось как переход чувственного, неосознанного впечатления в рациональное, осознанное восприятие. Впоследствии И. Кант пришёл к пониманию того, что «деятельность рассудка синтезирует атомарные элементы чувственности, благодаря чему восприятие всегда обладает некоторой целостностью», поэтому актуальным для обозначения связи и единства представлений в сознании автору представляется номинация «синтетическое единство апперцепции», тем самым И. Кант подчёркивает единство процесса осознания. На уровне чувственности такое единство обеспечивается рассудком, который есть «... способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представления под единство апперцепции» [5, с. 193]. Совокупность имеющихся представлений Кант назвал трансцендентальной апперцепцией.

В XIX в. И.Ф. Герbart через понятие апперцепции объяснял обусловленность содер-

жания нового представления запасом уже имеющихся представлений. В. Вундт, благодаря которому понятие апперцепции получило широкое распространение в психологии, объединил в нём все три аспекта: осознание воспринятого, его целостность и его зависимость от прежнего опыта. С помощью апперцепции он пытался объяснить избирательный характер сознания и поведения [3].

Под апперцепцией мы будем понимать вторичное чувственное восприятие (или ряд таких восприятий) какой-либо действительности, которое, во-первых, непременно объясняется и дополняется запасом других восприятий; во-вторых, возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности.

Прозаические тексты И.А. Бунина и А.И. Куприна – это определённый временной пласт, который отражает ментальную и культурную ступень прошлого, его специфику восприятия реальности, так как «... главное здесь то, что воспроизведённый временной объект, если можно так сказать, не основывается более на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы» [10, с. 61], поэтому и когнитивное пространство концепта «Память» в произведениях этих авторов представлено иначе, чем если бы это были тексты произведений современных писателей. Ср.: *Что же касается до того, что я «молокосос», то из этого только следует то, что эти чувства более доступны «молокососу», так как моя душа ещё молода и, следовательно, более чиста. Да и к тому же я пишу совсем не для суда других, совсем не хочу открывать эти чувства другим, а для того, чтобы **удержать в душе эти напевы**. Пронесутся года. Заблестит седина на моих волосах, но об этих блаженных часах **память сердце моё сохранит...*** (И.А. Бунин. Дневники (1881-1953)).

В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «блаженные часы», «напевы в душе», «молодая чистая душа», «седина на волосах», «блаженные часы».

Вербализация апперцепции концепта «Память» в данном контексте достигается посредством метафорических словосочета-

ний: «пронесутся года», «заблестит седина», «сердце сохранит память», а также образных сочетаний, репрезентирующих авторский идиостиль: «пишу не для суда других», «не хочу открывать чувства другим», «удержать в душе напевы».

Такая память не только проявляет себя как концепт, но и апперцептируется, то есть объясняется, понимается как *детство, старость, время* и может выражаться с помощью лексем: *молокосос, молодой, годы, седина, блаженные часы*, входящих в состав метафорических словосочетаний и апперцептивных номинаций [7, с. 25] («*Душа еще молода*», «*но об этих блаженных часах память сердце мое сохранит*»).

Все! Она открыла глаза, с трудом перевела духи, обратив смеющееся, подвижное лицо к Ромашову, спросила: – Хорошо? – Черт, какая память! – завистливо, но с восхищением произнес Николаев, углубляясь в свои тетрадки (А.И. Куприн. Поединок (1905)).

В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «*память – восхищение*», а вербализация данной апперцепции достигается семантически схожими конструкциями («*с трудом перевела дух*» – «*с восхищением*»), являющимися результатом эмоционально-индивидуальных рефлексий; восклицательными, интонационно утвердительными предложениями («*Все!*», «*Черт, какая память!*»), которые и придают тексту эмоционально-экспрессивную окраску.

Отметим, что данные предложения и конструкции таких предложений имплицитно репрезентируют наивысшую степень проявления восхищения и удивления от того, что ранее казалось понятным, обыденным и естественным.

Ср.: – Ну, так вот, на тебе, **береги на память** и **помни мою любовь**. А теперь надевай китель и айда в собрание (А. И. Куприн. Поединок (1905)).

Я покачал головой. – Друг – это тоже большое счастье. Я не верю, чтобы у человека могло быть больше одного друга. Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты **раздала на память** около пятидесяти панно (А.И. Куприн. Колесо времени (1929)).

В данных контекстах апперцепция концепта «Память» репрезентируется посред-

ством проводимых семантических параллелей («память – помнить – беречь», «память – друг – счастье», «память – друзья – панно»); словосочетаний, входящих в состав фразеологизмов и авторских высказываний («*береги на память*», «*помни мою любовь*», «*раздала на память*»), способствующих материализации памяти, «...материальный след весь целиком пребывает в настоящем и для того чтобы обозначить, что он есть образ прошлого, его необходимо наделять семиотическим измерением» [10, с. 598].

Смысловые вариации *память – друг, помнить – беречь* трансформируют общую картину контекста и апперцептируют память в чувство счастья и любви, восторга и удивления («*Друг – это тоже большое счастье*», «*Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты раздала на память около пятидесяти панно*», «*береги на память и помни мою любовь*»).

Следовательно, смысл порождается автором текста, контекст создаёт коннотативное поле и трансформируется в чувственное восприятие. Апперцепция памяти моделируется на основе деривационной структуры концепта («*любить, любовь, любил*»); антонимических рядов («*любить – ненавидеть*»), а также контекстуальных синонимических рядов («*покой – семья – любовь*», «*любить – уважать*», «*любовь*» – «*отрава*»).

*А теперь я жалкая институтская таперша, и где же! В том самом проклятом городе, который я всегда так ненавидела! Разве я не могла бы и теперь еще найти человека, который дал бы мне покой, семью и любил и уважал бы меня? Но **память о нашей любви**... Стрешнев закурил и стал отвечать медленно, разделяя слова: – Вера, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравы для нас (И.А. Бунин. Последнее свидание (1912)).*

Такое прекрасное чувство как любовь, в силу разного социального положения героев, воспринимается ими по-разному: для Веры любовь – это покой, семья, уважение, а для Стрешнева – это «отрава», то есть герои апперцептируют память о любви совершенно противоположно. Апперцептируемый концепт памяти репрезентируется и дополняется чувственным восприятием сожаления, ра-

зочарования, обречённости, ностальгией по давно минувшим дням.

– *И лошади нету? – Продали. Танька раскрыла глаза. Продажа лошади особенно врезалась ей в память.* «Когда еще картохи копали», в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей «кусок в горло не идёт», и Танька всё смотрела на её горло, не понимая, о чём толк. Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы». Оба они были похожи друг на дружку – черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришёл ещё один, ещё чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал а, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увёл её во двор (И.А. Бунин. Танька (1892)).

Пережитые героиней в момент воспоминания чувства: горе, тревога, огорчение, утрата, несправедливость, сожаление составляют базис, порождающий возникновение апперцепции – восприятие и переживание по-новому какого-то факта действительности. Эти ощущения буквально прочувствованы и героями, и автором, а впоследствии и читателем, поэтому героине – Таньке – «продажа лошади» не просто запомнилась, она «особенно врезалась ей в память», а матери героини вследствие этого «кусок в горло не идёт». В данном прозаическом тексте концепт «Память» апперцептирует как «анчихристы», которые «черны и засалены», как «лошадь»,

которую забрали «когда еще картохи копали», как «мать на поле». Общую атмосферу контекста создают соответствующие эпитеты: «сухой, ветреный день», «большая крепкая телега», «анчихристы – черны, засалены»; глаголы прошедшего времени *говорила, приезжал, пришёл, кричал, вывел, побежал, бежал* вербализируют напряжённость действия и негативную эмоционально-экспрессивную окраску (*продали, плакала, догнал*).

Следовательно, память в рассмотренных прозаических текстах не просто концептуализируется, приобретая различные смысловые и коннотативные вариации, но и проходит более сложные процессы, являющиеся связующим звеном между героем – автором – читателем. Память репрезентирует сложное явление апперцепции, при котором восприятие прошлой действительности, сохранённой в памяти, трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями. Отражение апперцептивных установок эксплицируется в прозаическом тексте, где «действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни» [8, с. 83].

Таким образом, память в прозаическом тексте обнаруживает две ступени апперцепции: 1) воспринимается сознанием и дополняется совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций; 2) порождает апперцептивную номинацию на основе уже имеющегося знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», «Универс», 1989. 615 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста Ч. I. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 272 с.
3. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Изд-во: Акад. проспект, 2000. 432 с.

5. Кант И. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. М.: Мысль, 1996: 486 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.
7. Озерова Е.Г. Когнитивное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2009. № 4. С. 24-29.
8. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный

аспект: монография. Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.

9. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.

10. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

11. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

REFERENCES

1. Bart R. Selected Works: Semiotics, poetics. М.: «Progress», «Univers», 1989. 615 p.

2. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text V. I. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 272 p.

3. Great Soviet Encyclopedia: 30 v. / edited by A.M. Prohorov. 3rd edition. М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969-1978.

4. Derrida, Zh. Writing and difference. SPb.: Izd-vo: Akad. prospekt, 2000. 432 p.

5. Kant I. Collected edition: V 6 tt. T. 6. М.: Mysl', 1996: 486 p.

6. Levi-Stros K. Structural Anthropology. М.: Nauka, 1983. 535 p.

7. Ozerova E.G. Cognitive space of apperception nomination in poetic prose // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. М., 2009. № 4. Pp. 24-29.

8. Ozerova E.G. Russian lirico-prosaic text: discursive-cognitive aspect: Monograph. Belgorod: Izd-vo NIU «BelGU», 2012. 276 p.

9. Potebnja A.A. Complete Works: Thought and Language. М.: Izdatel'stvo «Labirint», 1999. 300 p.

10. Rikjor P. Memory, history, oblivion / Transl. from fr. М.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. 728 p.

11. Fuko M. The Archaeology of Knowledge. Kiev: Nika-Centr, 1996. 208 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ:

Озерова Елена Григорьевна

профессор кафедры русского языка и методики преподавания, доктор филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия

Попиль Наталья Васильевна

аспирант кафедры русского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: info@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Ozerova Elena Grigorievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian Language and Teaching
Methodology

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015
Russia

Popil Natalia Vasilievna

Postgraduate Student

Department of Russian Language and Teaching
Methodology

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015
Russia

E-mail: info@bsu.edu.ru